

АРМЯНО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ТКАЧЕСТВА

ЛЮДВИГА САРАДЖЕВА

В период индоевропейской общности в известной мере сложилась лексика, связанная с ткачеством и изготовлением одежды¹. В различных частях индоевропейского региона встречаются разные слова, обозначающие действие «ткать». Техника ткачества, если взглянуть на термины с точки зрения их семантической эволюции, получила выражение в словах, первоначальное значение которых было «завязывать, плести, мотать». Происхождение плетения и ткачества следует, по-видимому, искать в процессах связывания и свивания, восходящих ко времени палеолита. Известны различные — более простые и более сложные — способы плетения, из них самым примитивным и, видимо, более древним считают плетение сети из ячеек, образуемых одной нитью².

Для обозначения действия «ткать» в индоевропейском наибольшее распространение имели следующие корни: **uebh-*, **tek-* и **ueg-*. Первый из них представлен в греч. *ὑφαίνω*, алб. *venj*, др.-сев. *vefa, др.-англ. *wefan*, др.-в.-нем. *weban*, тох. В *wap*³, др.-инд. *ubhāti* «связывает, стягивает». На востоке область распространения **uebh-* граничит с армяно-славяно-иранской областью, где в этой роли выступает **tek-* «плести, ткать»: арм. *t'ek'em* «крутить, сплести, сматывать», прасл. *tъkati «ткать», *otъkъ «уток», осет. *taxup* «ткать», причем корень представлен и в германском: др.-в.-нем. *tāht* «фитиль», др.-исл. *rǫtt* одна из веревок, из которых сплетен канат⁴. К этому же корню возводится и арм. *t'el* «нить» из **tek-lo*⁵ (ср. по значению с прасл. *otъkъ). На западе индоевропейского региона выступает **ueg-*, представленный в кельтских и латинском: др.-ирл. *figim* «ткать», лат. *velum* «полотно, занавес». Соответствующий глагол в латинском вышел из употребления и заменен глаголом *texere*⁶. Э. Б. Агаян⁷ возводит к корню **ueg-* и арм. *z-gac-im* «одеваюсь»,

¹ Общая постановка вопроса, а также комплекс смежных проблем, связанных с терминологией строительства, изложены нами в статье «Армяно-славянские лексико-семантические схождения в области строительной терминологии» (*ՀՄՄՀ ԳԱ «Լրարբեր» հասարակական գիտություններ», 1981, № 7*).

² Дж. Г. Д. Кларк, *Доисторическая Европа*, М., 1952, с. 227.

³ E. Sieg und W. Siegling, *Tocharische Sprachreste*, Sprache 13, Berlin, 1921, S. 168.

⁴ G. R. Solta, *Die Stellung des Armenischen im Kreise der Indogermanischen Sprachen*, Wien, 1960, S. 378.

⁵ Գ. Բ. Ջահանգյան, *Ստուգարանություններ* (*ՀՄՄՀ ԳԱ «Լրարբեր», 1973, № 3*).

⁶ В. Порция, *Членение индоевропейской языковой области*, М., 1964, с. 154.

⁷ Է. Բ. Աղաջան, *Բառարձեռնական և ստուգարանական հետազոտությունները, Երևան, 1974, էջ 48*.

что неприемлемо по фонетическим соображениям. Собственно термины «ткать» в армянском, в свою очередь, *heput* и *haput*, которые восходят к и.-е. *(s)rep- «натягивать». По-видимому, терминологизация в армянском завершилась давно, о чем свидетельствуют близкие диалектные связи армянских форм со славянскими и балтийскими, с которыми армянский образует единый ареал: ср. арм. *heput* и прасл. *reŕi* «натягивать», с другой стороны, арм. *haput* и прасл. *rypŕ I л. ед. ч. н. вр., лит. *ripŕi*, *rŕipiau*, *ripŕi* «плести»⁸. При этом специализированное значение «ткать» не чуждо и славянскому, проявляясь в таких дериватах, как *орона «занавес» и *рспѣва: 1) «нить утка», 2) «покрывало, накидка», 3) «вид платья». Германские формы со значением «прясть» — готск. *spinnan*, нем. *spinnen*, вероятно, вторичны, они произошли из первоначального значения «тянуть», т. е. вытягивать волокна для прядения, что как бы переносит нас в древнюю атмосферу эпохи зарождения этой отрасли ремесла⁹. Как известно, ткачество, как и прядение, появилось в эпоху неолита (V тыс. до н. э. — 2500 г. до н. э.). До появления ткацкого станка в подлинном смысле этого слова существовали различные приспособления для изготовления тканей: в частности, наиболее древним способом было переплетение утком параллельных нитей основы, причем уток пропускался через специально образуемый между нитями основы зев¹⁰. В индоевропейских языках имеется значительное количество терминов, либо восходящих к эпохе индоевропейской общности и характеризующих тот или иной ареал, либо развившихся из общих корней со специализацией значения. К корням, восходящим к периоду индоевропейской общности, следует отнести и.-е. **rap-* «ткань»¹¹, имеющее распространение в италийско-греко-германском ареале: лат. *rappus*, греч. *πῆνος*, готск. *fana*, обозначающие и одежду и нить утка. Весьма возможно, что с этим корнем связано и и.-е. *(s)rend- «натягивать», откуда арм. *haput* и *heput* «ткать», прасл. *рспѣва «одежда и нить утка», готск. *spinnan*, нем. *spinnen* «прясть», рассмотренные выше. Примером специализации значений могут служить слова, восходящие к и.-е. корням **stā-* «стоять» и **sed-* «сидеть»: ср. греч. *ιστός* «ткацкий станок», лат. *stamen* «ткацкий станок и основа на нем», др.-инд. *stāvī-* «ткач», прасл. *stanъ, *stavъ «ткацкий станок», лит. *stākles*, др.-исл. *vefstaðr*¹². Имеется также и определенное количество терминов, восходящих к

⁸ Ср. G. R. Solta, указ. соч., с. 258 и сл.

⁹ G. Sh. Lane, *Words for clothing in the principal Indo-European languages* (Language dissertations published by the linguistic society of America, N IX, Baltimore, 1931).

¹⁰ *„Illustrierte Völkerkunde“*, hrsg. von G. Buschan, Bd. I, 2 Aufl., Stuttgart, 1922, S. 22; В. И. Равдоникас, *История первобытного общества*, Л., 1947, с. 187.

¹¹ J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern und München, 1949—1959, S. 799 (далее-Pokorny).

¹² M. GavaZZi, *Praslavenski tkalački stan i tkalačka daštica* (ZbNŽ, kn, XVI, Zagreb, 1928, с. 1).

и.-е. *sed- „сидеть: это арм. ostayn „основа“ и storl „навой ткацкого станка“¹³, в славянских—специализированное обозначение сидений при ткацком станке: *sědadlo, *sedьсь, *sedišče, которые оформились в недрах текстильной терминологии.

Как было отмечено выше, важной реалией ткацкого станка является ткацкая палочка, образующая зев. Если прав Г. Б. Джаукян, говоря о восхождении арм. šiv «ткацкая палочка» с более общим значением «ветка» к и.-е. *(s)khep- «резать, колоть»¹⁴, то мы имеем интересное терминологическое соответствие на почве армянского, славянского и латинского языков: ср. прасл. *ščarь «ткацкая палочка», лат. scari «прутики, образующие зев», восходящие к этому же корню.

Любопытен случай, когда на почве армянского и славянских языков развилась явно вторичная ткацкая терминология.

Так, от и.-е. основы *(s)teg-, *(s)tog- со значением «палка, колоть» развились такие термины, как арм. stec (stēc) «короткий шест в ткацком станке, на котором поворачивали или закрепляли пряжу» от *(s)teg- (при *(s)tegh- или *(s)teig'-). Если допустить для *(s)tegh-палатализированный вариант с заднеязычным *(s)teg'h, то тогда вполне вероятно допущение, что арм. t'ezan „уток“ явно связано с такими славянскими ткацкими терминами, как ст.-сл. *остегь* „одежда“, *остезь* „плащ“, рус. *стегать*, *стежок*, чеш. *steh*, польск. *ścieg*, *ścig*, в том же значении, при лит. *steigtis* „напрягаться“, *staiigus* „вспыльчивый“¹⁵.

Для истории ткацкой терминологии очень интересно проследить судьбу и.-е. корня *snē- «связывать» и его дериватов. Слова, производные от этого корня, имеются почти во всех ветвях индоевропейских диалектов, при этом диапазон значений представлен обширным семантическим комплексом: 1) арм. *neard* «волокно (растительное)» и 2) «нерв»; 3) др.-инд. *snā-van*, авест. *snavaγ-* «связка в теле человека и животного»; 4) греч. *νεῦρον*, лат. *nervus*, тох. В *snauγe* „нерв, сухожилие“, др.-в.-нем. *snuog* „сухожилие, шнур“ 5) прасл. *snovati, **obspova*¹⁶, 6) лат. *nere*, греч. *νήση* „прясть“ и г. д. С точки зрения словообразования важно отметить то обстоятельство, что и в армянском и славянских языках представлены производные детерминированные формы: ср. прасл. *snovati < *(s)nē-и- и арм. *neard* < *snē-rt, однако при этом по суффиксальному образованию г/п армянская форма связана с индоиранским, греческим, латинским, тохарским и германскими

¹³ Գ. Բ. Ջաուկյան, указ. соч., с. 35.

¹⁴ Г. Б. Джаукян, Очерки по истории дописьменного периода армянского языка, Ереван, 1967, с. 206.

¹⁵ Хотя Х. Петерссон восстанавливает для армянского слова праформу **teg'h-*, однако не указывает на достоверные параллели в других языках: см. Н. Petersson, *Artische und Armenische Studien*. Lund, 1920, S. 133—134.

¹⁶ Глагол *snovati обозначает действие путем натягивания будущей основы между колышками на стене, а приспособление для снования носит название *spovadlo. Главным продуктом снования является *obspova, также производное от *snovati.

языками. В славянских языках представлено также образование, продолжающее и.-е. *(s)nĕ-, расширенное с помощью суффикса -i-. Это основное название выпрядаемой нити-прасл. *nĭť* (во всех славянских)¹⁷. Подобное семантическое развитие характерно и для арм. (ср. *heard*), герм. *netha (нем. *Naht* шов), лат. *netus* „пряжа“, др.-ирл. *snáthe* „нить“¹⁸.

В связи с рассмотрением терминологии ткачества естественно возникает вопрос, что служило материалом для изготовления одежды? В условиях отсутствия достоверных данных материальной культуры, соотносимых с относительно недавними эпохами¹⁹, решающее значение имеют лингвистические данные — неперемное условие для воссоздания реалий древнейшей эпохи. Материалом, по-видимому, служили как животные, так и растительные волокна, что во многом зависело от местных условий²⁰. Они обрабатывались посредством ткачества. На это прежде всего указывают общиндоевропейские названия шерсти и льна, а также обозначения действий, связанных с их обработкой. Для обозначения шерсти существовал и.-е. корень **ǵnā*²¹, который имел распространение, как на западе, так и на востоке индоевропейского региона, в том числе в армянском и славянских (арм. *gełm* прасл. *vьlna «шерсть»), хотя при этом следует указать на то, что армянский и славянские языки различаются по характеру вокализма. Широкое распространение имело и и.-е. обозначение льна **lino*²², не представленное, однако, ни в армянском, ни в индоиранском: прасл. *льпъ, лит. *līnas*, лтш. *līns*, ст.-прус. *līppo*, греч. *λίον*, лат. *līnum*, др.-в.-нем. *līn*, нем. *Lein*, алб. *līni*. В отношении этого обозначения не существует единого мнения: его считают как древним культурным заимствованием²³, так и исконным индоевропейским обозначением, в особенности в последнее время²⁴.

¹⁷ В славянских языках *nĭť обозначало только нить из растительного волокна, в то время как для обозначения нити из животного волокна существовало специальное название *žica* «шерстяная нить» (ср. *žila «сухожилие»).

¹⁸ Балтийские формы: лит. *nūtis*, *nītis* «нитенка, ремизка», по всей вероятности, являются заимствованиями из славянских.

¹⁹ О. Н. Трубачев, *Ремесленная терминология в славянских языках*, М., 1966, с. 39.

²⁰ Древнейшей одеждой служили шкуры животных: ср. и.-е. *baita, *raita «козлиная шкура и выделенная из нее одежда» (Pokorny, S. 92), а также прасл. *азьпо «козья шкура», греч. *πέλλα*, лат. *pellis*, готск. *fill*, лит. *plevė*, обозначающие шкуры диких и домашних животных. Это подтверждается и свидетельствами древних авторов.

²¹ Pokorny, S. 1139; М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. I, М., 1964, с. 339 (далее—Фасмер).

²² Pokorny, S. 691; Фасмер, II, 1967, с. 481.

²³ E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, A-mor- I, Heidelberg, 1908—1913, S. 754; R. Trautmann, *Die altprussischen Sprachdenkmäler*, Göttingen, 1910, S. 371; Alf Torp, *Urgermanischer Sprachschatz*, Göttingen, 1910, S. 323.

²⁴ O. Schrader, *Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde*, 2 Aufl. hgb. A. Nehring, 2 Bde., Berlin—Leipzig, 1917—1929; Pokorny, S. 691; L. Niederle, *Slovanské Starožitnosti*, Praha, 1902, с. 223.

Близкие связи в обозначении шерстяной нити прослеживаются между армянским, с одной стороны, и славянским, греческим и балтийским — с другой. К и.-е. *mel- «шерсть» возводится арм. диал. (карабах. диал.) malanč' < *ml- «кудель, очески от шерсти»²⁵. По значению ср. с сербх. mālje, род. п. mālja «пушок, волосок»; греч. μάλλος 1) «клок шерсти, шерсть, руно», 2) «прядь волос»; лит. milas, mil(п)а, др.-прус. millan «пуховый платок».

Из корней, обозначающих действия, связанные с обработкой шерсти и растительных волокон, следует отметить и.-е. корень *der- «драть», от которого и в армянском и славянских образовано такое специализированное значение, как арм. tefem «сдирать кожу», прасл. *dъrǫ, *derti и *derǫ, *dъrati²⁶ «сдирать, драть», «соскребать», которые образуют единый семантический ареал с балтийским и греческим, противопоставляясь индоирано-германо-албанскому (лит. dirti, лтш. dirāt) «сдирать, обдирать», греч. δέρω то же, при авест. dar- «колоть», др.-инд. dṛṇāti «лопается, трескается, раскалывается», готск. distairan «разрывать», алб. djerr «уничтожаю, теряю»). На славянской почве и.-е. *der-, расширенное с помощью древнего лабиального детерминатива -bh-, получило также значение «терebить, чесать (волокна), дергать (побеги)»: рус. диал. *деребить*²⁷ (ср. с лтш. puodaras «отходы от лыка» < и.-е. *der-).

Названия отдельных видов одежды, восходящих к эпохе общности, в армянском и славянском отсутствуют²⁸, что можно объяснить прежде всего экстралингвистическими факторами: названия вещей легко заимствуются и подвергаются изменениям под влиянием этнически различных факторов. Однако для обозначения действия обуваться, одеваться реконструируются корни *eṭ-/*oṭ-, *aṭ-³⁰ и *ues-³¹. Из них первые два имеют распространение и в армянском и в славянском, тогда как третий представлен в армянском, но отсутствует в славянском. При этом и.-е. *eṭ-/*oṭ- «одеваться, обуваться» представлено в армянском такими словами, которые не образуют особо тесных связей со славянским ни по специализации значения, ни по форме образования: ср. арм. aganiṃ «одеваться, обуваться», прасл. *obuti «обувать(ся)», наряду с *jъz-uti «разувать(ся)», лит. aṭti, aṭpū, aviaṭ «носить обувь, обувать(ся)», лтш. aṭt, aṭpu «обувать», авест. āvda «башмак», лат. ehiō «разувать, снимать», induō «надевать». По значению славянские

²⁵ Գ. Ք. Ջախնիչյան, Հայ բարբառագիտության ներածություն, Երևան, 1972, էջ 298:

²⁶ Фасмер, I, с. 505; «Этимологический словарь славянских языков», V, М., 1978, с. 218.

²⁷ Фасмер, I, с. 505; О. Н. Трубачев, указ. соч., с. 239; В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, СПб., 1903, с. 1065 (далее—Даль).

²⁸ Лишь некоторые названия одежды и обуви, охватывающие ограниченное количество языков, восходят к глубокой древности: ср. прасл. *čersъ «кожаный пояс», ирл. criss «пояс»; кимр. grys «пояс, рубаха» < и.-е. *kersto; прасл. *červi «вид обуви», греч. χρῆτις, лат. carpiſculum < и.-е. *(s)ker- «отрезанное, кожа».

²⁹ Роконгу, S. 346; Фасмер, III, 1971, с. 109.

³⁰ Роконгу, S. 75; Фасмер, IV, 1973, с. 171.

³¹ Роконгу, S. 1172.

формы, претерпевшие сужение, относятся только к процессу обувания, в то время как армянский сохранил древнее индоевропейское значение, что сближает его с латинским. По морфологическому же признаку — наличию суффикса -п-армянский ближе всего стоит к балтийским формам (лит. *aipi*, лтш. *āipi*).

Второй корень *ац- «плести, ткать», расширенный детерминативом -dh-, соотносится с вышеприведенными корнями *ец-/*оц-, образуя нерегулярный ряд и.-е. аблаута *ец/*оц/*ац³². Он также не дает на почве армянского и славянского рефлексов, обнаруживающих особо тесных связей. При этом, если мы сравним развитие значения *ец-/*оц-, с одной стороны, и *ац- — с другой, то можно констатировать, что они обнаруживают на почве сравниваемых языков обратные связи: ср. арм. *aud* «обувь» и прасл. *ud-slo «начатая ткань»³³.

Главной частью индоевропейской одежды вероятней всего был большой кусок ткани, образывавший складки и первоначально очень походивший на шкуру животного. Интересно отметить то обстоятельство, что индоевропейцы использовали и умение сшивания тканей³⁴. Так, и.-е. *siu- «шить» охватывает значительную область распространения и.-е. диалектов: прасл. *šiti, лит. *šiti*, *siuvú* «шить», др.-инд. *sívyati* «шьет», *syīman* «шов», осет. *xijun* «шить» лат. *sub*, -ere, готск. *siujan*, др.-в.-нем. *siuwan* в том же значении, при греч. *κασσίδω* «латаю, сапожничая», хетт. *šum(ш)anza* «веревка». Хотя и.-е. *siu- в армянском не отразилось, однако название иглы — орудия сшивания — индоевропейского происхождения: ср. и.-е. *ak'-, *ok'-³⁵, арм. *asēln* < *asīln, лат. *acus* «игла». Данный корень имеет распространение также и на славянской почве — прасл. *osъla «точильный камень». Несмотря на то, что по семантике армянский и славянский расходятся, однако при этом полностью совпадает восстанавливаемая древняя праформа слова (арм. *asīln и прасл. *osъla). Наряду с обозначением иглы в армянском существует и специализированное название шила: от и.-е. *рег- «переходить, проходить» в арм. *hegiun* «шило» при греч. *περόνη* «булавка, шпилька». Прасл. *pareгjō, *pareгiti «пронзать» только по первичному значению сближается с вышеприведенными армянской и греческой формами, хотя и наблюдается параллельный типологический переход к названию инструмента в рус. *перка* «сверло», «долото»³⁶.

³² Ср. Л. А. Гиндин, Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адсграта («Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев», М., 1976, с. 60).

³³ Ср. Р. Эккерт, Возможные отражения древнего корня *оцад- (ср. лит. *āusti* «ткать») в праславянском языке («Этимология», 1970», М., 1972, с. 46—54).

³⁴ На это указывают находки костяных иголок в памятниках позднего неолита (ср. М. О. Косвен, указ. соч., с. 90).

³⁵ Роконгу, S. 1516; Фасмер, IV, с. 443.

³⁶ Фасмер, III, с. 242.

Если исследование гончарной терминологии выявляет определенное количество армяно-славянских сходжений, то этого нельзя сказать о гончарном искусстве³⁷.

Подобное положение вещей можно объяснить прежде всего тем, что с течением времени названия одинаковых предметов, имеющих одинаковое назначение, оказываются различными в языках, даже близкородственных, как это было видно выше: ни одно известное название одежды не восходит к общеиндоевропейской эпохе. Из двух отмечаемых совпадений в армянском и славянских языках³⁸ лишь в одном можно установить не очень яркое этимологическое родство, выявляющее лишь корневую близость. Причем, если в славянских языках из первичного и.-е. значения *derbh- «вить, скручивать, плести» на экстралингвистической основе³⁹ возникли термины гончарного искусства, то в армянском такой специализации значения не наблюдается: ср. и.-е. *derbh-: др.-рус. *ѡдоробъ* «глиняный горшок», блр. *доробиць* «гнуть», *дороб* «короб», «сито», рус. диал. *удороба* «худой, надбитый горшок»⁴⁰, арм. *tofn* «веревка, канат» родственно далее таким характерным словам в индоиранской и германской группах языков, как др.-инд. *dṛbhāti* «связывает, сшивает, вьет», ср.-в.-нем. *zīrben* «вертеться». Второй случай мог бы представить большой интерес, если бы здесь имелось исконное родство с соответствующими фонетическими закономерностями. Некоторые исследователи⁴¹ сопоставляют вост.-слав. *ковш*, с арм. *kuṣ* «горшок», приводя при этом довольно близкий круг культурных слов Восточной Европы и Азии: ср. осет. *Kus/kos* «миска, чашка», др.-инд. *koṣa-* «кадка», «чан», алт. *kōš*, якут. *kūōs* «горшок, чашка», чан. *Kuzi*, груз. *Kovzi* «ложка», перс. *kūza* «кружка, горшок». Однако, как известно, арм. *kuṣ* является заимствованием из иранского: ср. пхл. *kūz*

³⁷ Хотя гончарное искусство своими началами восходит к глубокой древности (ср. арм. *gurgn* — гончарный круг <и.-е. *dhrēgh—«бежать», а также такие параллели, как др.-инд. *caṅús* «котел», др.-исл. *huett* «котел», ирл. *coige*, *raig* «сосуд», ст.-сл. *чара*, др.-инд. *kumbha* «горшок», греч. *κύβος*, др.-инд. *gōla* «кружка», греч. *γαλός* авест. *tashta*, лат. *testa* «глиняный сосуд, кувшин»), однако гончарные термины очень различны в индоевропейских языках.

³⁸ Наиболее замечательные сходжения в области гончарной техники наблюдаются при сравнении славянских и латинских названий: прасл. *gъгъпъ «горн», лат. *furnus* «печь, горн», прасл. *gъгъnidlo «вместилище огня», лат. (народ.) *furniculum* «помещение с печью», прасл. *gъгъпъсь «горшок», лат. *fornix* «свод (горна), арка», удостоверяемые и данными истории материальной культуры у славян (гончарный горн, крытый сводом из горшков в Польше, Словении и т. д.). Детальное обоснование этих важных соответствий см.: О. Н. Трубачев, указ. соч., с. 197—200. Другие данные, говорящие в пользу славяно-италийских контактов, суммированы в публикации: О. Н. Трубачев, Несколько древних латино-славянских параллелей (в кн.: «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря)», М., 1972. Предварительные материалы).

³⁹ В исследовании О. Н. Трубачева, (указ. соч., с. 238) детально рассматривается и констатируется совершенно четкая связь терминологии гончарства с терминологией плетения, что находит подтверждение и в приводимых армяно-славянских соответствиях.

⁴⁰ В. Даль, IV, 1909, с. 474.

⁴¹ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М.—Л., 1958, с. 642; Фасмер, II, с. 273; О. Н. Трубачев, указ. соч., с. 201.

„горшок“⁴². Нет близких связей и в других обозначениях домашней утвари. Так, арм. *targal* „ложка“ < *dʒu- и *tofn* „пест“ < *doṅu-⁴³ восходят к и.-е. *deru-/ *doṅu- „дерево“, так же, как и славянские обозначения ядров, древесины и т. д. (болг. *дърба*, рус. *дрова*, польск. *drwa* «древесина» и т. д.), однако здесь нет одинаковой специализации значений.

Вышеприведенный материал дает основания для следующих выводов.

1. В терминологии ткачества выявляются довольно тесные армяно-славянские связи, что дает возможность в известной мере пересмотреть существующую точку зрения о преимущественных связях славянской текстильной терминологии с западноевропейскими языками⁴⁴. В этом плане особый интерес представляет армяно-славяно-иранская изоглосса, продолжающая и.-е. *tek- в противоположность западному *teḡ-. Это тем более доказательно, если правомерно приведенное нами армяно-славянское схождение, продолжающее и.-е. основу *(s)teḡh-, при допущении палатализованного варианта *(s)teḡ'h > арм. *t'ezan*, ст.-сл. *остегъ*, рус. *стегать*, *стежок*.

2. В области гончарного искусства армянский и славянский не обнаруживают каких-либо изоглосс. Можно указать лишь на одну параллель, обнаруживающую корневую близость (ср. арм. *tofn*, рус. *одоробь*).

3. В эпоху индоевропейской общности искусство еще не отделилось от ремесла, что соответственно отражается и в языковых данных (ср. арм. *aguest* и *aghest* «искусство и ремесло», а также арм. *darbin* «мастер, творец, умелец, кузнец», лат. *faber* в том же значении при ст.-сл. *добръ* «добрый, благой»). Такие абстрактные понятия, как красота и прекрасное, в армянском и славянских восходят к различным корням (ср. и.-е. *keḡ- «жечь, гореть», рус. *красный*, *красота*, чеш. *krasa*⁴⁵, и.-е. *uel- «желать, выбирать», арм. *gei* «красота», ст.-сл. *воля* «желание, воля»).

Для ухода за телом индоевропейцы, по-видимому, пользовались благовониями, о чем свидетельствуют такие параллели, как арм. *aucapet* «помазывать, натирать мазью», др.-инд. *añj*, *añakti* «мажет, натирает», лат. *unguo*, -*ēre* «помазывать, намазывать, натирать мазью» и более позднее *unguentarius* «продавец благовонных мазей» < и.-е. *oṅgʷ — «мазать, натирать», однако этот корень не представлен в славянском.

4. Приведенные выше армяно-славянские лексико-семантические схождения в области ремесленной терминологии, частично отражают терминологию индоевропейской общности, частично развились из корней в результате одинаковых семантических переходов (в связи с об-

⁴² Д. Ա ճ ո ղ , շ Ն , Հ ա յ Ր Յ Ի Ն տր ճ ա տ ճ ի ճ ի ը թ ի ը թ ի Ն , II, Երևան, 1973, էջ 654:

⁴³ Там же, IV, 1979, с. 421.

⁴⁴ Ср. О. Н. Трубачев, указ. соч., с. 117.

⁴⁵ Даже на почве отдельных славянских языков эти понятия значительно расходятся (ср. польск. *ugoda* «красота», ст.-сл. *лель*, болг. *леп* «красивый» и т. д.).

шими условиями, одинаковым направлением в восприятии процессов и т. д.). Они проливают свет на протоармянские и раннепраславянские языковые отношения, способствуя выявлению первичных реалий в области производственной деятельности индоевропейцев.

ՀԱՅ-ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ ԲԱՌԱԻՄԱՍՏԱՑԻՆ ԶՈՒԳԱԴԻՊՈՒՄՆԵՐԸ
ԶՈՒՀԱԿԱՑԻՆ ՏԵՐՄԻՆԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԲՆԱԳԱՎԱՌՈՒՄ

ԼՅՈՒԴՎԻԳ ՍԱՐԱՋԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հայ-սլավոնական զուգադիպումներն արհեստավորական, այդ թվում՝ ջուլհակային տերմինաբանության բնագավառում մասամբ արտացոլում են հնդեվրոպական ընդհանրության շրջանի տերմինաբանությունը. դրանք զարգացել են միևնույն արմատներից՝ իմաստային ընդհանուր անցումների հիման վրա: Այդ զուգադիպումները լույս են սփռում նախասլավոնական և նախահայկական լեզվական հարաբերությունների վրա՝ նպաստելով հնդեվրոպացիների արտադրական գործունեության տվյալ բնագավառի սկզբնական իրակությունների բացահայտմանը: Մասնավորապես ջուլհակային տերմինաբանության մեջ նկատելի են բավական սերտ հայ-սլավոնական կապեր, որոնք հնարավորություն են տալիս որոշ չափով վերանայելու տարածված տեսակետը սլավոնական ջուլհակային տերմինաբանության՝ գերազանցապես արևմտաեվրոպական կապերի մասին: Այս առումով հետաքրքրական է հ.-հ. *tek- արմատից եկող հայ-սլավոնական զուգաբանությունը՝ ի հակադրություն արևմտյան *ueg-ի: Այդ ավելի ևս կապացուցվի, երբ ճշտվի հայ. t'ezan-ի և հ.-սլավ. ocmegz կապը (հ.-հ. *(s)teg'h- տարբերակ *(s)tegh-ի կողքին):